

Н.Н. СЕМЕНЕНКО
(*Старый Оскол*)

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПАРЕМИЙ КАК ПРОБЛЕМА
СЕМАНТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследуется проблема статуса паремий, совмещающих свойства единиц языка и речи. Дискурсивный аспект исследования паремической семантики затрагивает также проблемы описания внутренней формы народных афоризмов и аспект контекстуального приращения смысла.

Ключевые слова: *паремия, текст, дискурс, внутренняя форма, когнитивная структура пословицы.*

Прецедентные единицы языка являются сегодня одним из основных предметов рассмотрения антропоцентрически ориентированной лингвистики. В зависимости от задач исследования выделяются различные типы прецедентных единиц, классифицируемые, прежде всего, по направлению прецедентной ссылки и лингвистическому статусу единицы. Наиболее часто используемые в современной лингвистике в связи с описанием феномена прецедента термины «прецедентный текст» и «прецедентное высказывание». Обе единицы формируются как прецедентные или, напротив, являются источниками прецедента в силу своей способности к вторичной номинации.

Потенциал вторичного номинирования как определенным образом усложненная знаковая функция наблюдается у определенной части лексико-фразеологического состава языка, обладающей прецедентным потенциалом как в силу своей лингвистической природы, так и вследствие выполняемой социокультурной функции. Фразеологизмы, паремии, афоризмы, крылатые слова и стилистически маркированные штампы, с одной стороны, являются достаточно развернутыми текстами, вошедшими в гиперпространство культуры не только на уровне цитат, но и на уровне концептуальной основы авторской идеи, с другой стороны, образуют весьма обширный фонд, служащий источником для разного рода прецедентных ссылок.

Остановимся на одном источнике и способе существования прецедента в речевом обиходе – паремиях. Прецедентные свойства са-

мых активных в современном русском языке видов паремий – пословиц, поговорок, загадок и примет – базируются на ряде лингвистических и сугубо прагматических особенностей, выдвигающих эти единицы в отдельную группу приоритетных для лингвокультурологического и лингвокогнитивного аспектов анализа. Каждый из видов паремий имеет и ряд специфических семантических свойств, присущих им как культурно значимым единицам и подтверждающих их статус текста. Прежде всего, это 1) вторичность текста или высказывания и 2) особенности внутренней формы паремии, способствующей возникновению прагматически обусловленного подтекста (у пословиц, загадок и примет) или значения (у поговорок).

Важно учитывать и тот факт, что свойства текста наблюдаются не у всех паремий, в частности, они отсутствуют у поговорок, поскольку последние независимо от синтаксического оформления (предложение или словосочетание) не выражают умозаключения, а номинируют определенный денотат, актуализируя его конкретный признак. Например, поговорка *Положить зубы на полку* образно номинирует денотат «голод», актуализируя семантический признак «вынужденный», поскольку *кладут зубы на полку* в том случае, когда попросту нечего есть. Иная ситуация наблюдается в пословице *Голодной куме все хлеб на уме*, где выражается умозаключение «Голодный человек может думать только о еде», связанное с пропозитивным смыслом «Человек, страдающий от недостатка чего-либо жизненно необходимого, не может полноценно размышлять на иные темы». У данной пословицы существуют семантические варианты, т.е. пословицы, выражающие аналогичный смысл на базе той же синтаксической конструкции, но с использованием других лексических компонентов: *Голодной курице все просо снится* и *Что у кого болит, тот о том и говорит*.

Наблюдаются признаки текста и у загадки и приметы: как и пословица, они характеризуются определенным фонетико-графическим обликом, лексико-семантическим составом, грамматическими характеристиками, стилистической и жанровой принадлежностью, композиционным строением, смысловой связностью, интегративностью и общим ритмом, смысловой автономностью и коммуникативной направленностью. Все перечисленные признаки способствуют выполнению данными разновидностями паремий основных тек-

стовых функций, а именно: информационной, социальной, системной, регулятивной, когнитивной, эмоциональной и преференциальной [15, с. 45 – 48]. При этом и у примет, и у загадок наблюдаются свои особенности в проявлении свойств прецедентного текста. Так, к примеру, загадка *Синенькая шубенка покрыла весь мир (небо)* не выражает умозаключения, как пословица, но имеет определенную композицию, коммуникативную направленность и ряд других признаков текста. Основная функция загадки – образно переосмысленная номинация, цель которой – указание на сложные ассоциативные, оценочные и иерархические отношения, существующие в народном мировоззрении и отраженные в языковой картине мира. Прецедентность текста загадки обусловлена, в первую очередь, прецедентным характером самих образов, населяющих ее. Повторяемость данных образов, их связь с народными эстетическими предпочтениями, опора на фольклор как источник данных образов – вот основные критерии, обеспечивающие загадке статус прецедентной единицы.

Приметы – разновидность паремий, максимально близких к пословицам по способности выражать умозаключения. Употребляются они в речи для указания на сложную «систему связей прошлого и будущего, познаваемого и непознанного» [12, с. 74], посредством чего весь контекст употребления приметы получает статус достоверной информации. Таким образом, приметы, как и пословицы, по своей природе уже являются своеобразными прецедентными ссылками на некий фонд «народной мудрости». Основное же отличие текста примет от текста пословиц заключается в отсутствии у первых подтекста – внутренняя форма примет буквально мотивирует значение паремий. Например: *Рыба не клюет – перед дождем; Собака траву ест – к дождю*. Вместе с тем существуют приметы, в которых выражаемое значение шире, чем значение, мотивированное внутренней формой. В этих приметах особенно заметно отсутствие основного аргумента «почему», они могут квалифицироваться как суеверия. Например: *Солнышко закатилось – не выметай сор из избы; Подметать пол вечером – не к добру*. В приведенных примерах основной вывод-рекомендация в своей основе имеет мифологическое «объяснение», а аргумент, который восстанавливается участниками коммуникативного акта из текста паремии сообразно ситуации употребления, обусловлен теми архетипическими признаками, которые традиционно существу-

ют в народной культуре. В результате примета, не объясняя природу закономерности, сама становится основным аргументом и руководством к действию. Действительно, приметы для того и нужны в речевом обиходе, чтобы, не вдаваясь в подробности и историю вопроса, быстро и четко дать совет, который будет находиться «в русле» существующих в мире закономерностей.

Прецедентные свойства паремий тесно связаны также с их кумулятивной функцией. Народные афоризмы легко преодолевают временные барьеры и успешно приспосабливаются к развивающемуся живому народному языку, приобретая статус текста культуры. Как указывает В.А. Маслова, «в процессе исторического развития общения возникла особая категория текстов, которые, оторвавшись от конкретных коммуникативных задач, приобрели материализованную в знаках относительно самостоятельную и объективную форму существования...» [8, с. 131]. Когнитивное понимание вторичности текста базируется на «ограниченности средств языкового выражения» и «необходимости передачи неисчерпаемого концептуального содержания» [4, с. 79]. Н.Ф. Алефиренко под вторичной номинацией понимает процесс, в результате которого «сигнификат знаков вторичного обозначения самодостаточен для адекватного соотнесения данного знака с наименованным объектом» [1, с. 36]. Подразумевая под вторичной номинацией использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения, можно говорить и о вторичности текста пословиц, загадок и ряда примет, а также поговорок, не имеющих признаков текста, но выполняющих в речи функцию образной номинации, поскольку при формировании их значения происходит явное переосмысление высказывания.

Таким образом, прецедентный текст и прецедентное высказывание – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, единица, внутренней формы которой достаточно для реализации смыслового ядра высказывания. Следует отметить, что наличие у паремий устойчивого концептуального фона, который обеспечивает им статус «правды жизни», усиливает их смысловую самодостаточность. Ю.Н. Караулов говорит о двух способах существования и обращения прецедентных текстов – при первом способе текст «в первоизданном виде доходит до читателя... как прямой объект восприятия», второй способ автор называет вторичным, поскольку

он предполагает либо «трансформацию исходного текста в другой вид искусства», либо «вторичные размышления по поводу исходного текста» [6, с. 217]. Данное утверждение можно в полной мере отнести к паремиям, поскольку при каждом использовании народного афоризма в акте коммуникации его содержание соотносится с иной жизненной ситуацией, в контексте которой текст поговорки подвергается новому рассмотрению, что позволяет оценивать прецедентный характер культурно маркированных высказываний как «соотнесенность с некоторой инвариантной ситуацией» [7, с. 8].

Особую роль в осмыслении прецедентного потенциала паремий следует отвести влиянию внутренней формы народных афоризмов на «вторичность» их формы и содержания. Феномен внутренней формы паремий на сегодняшний день мало изучен – нет четкого выделения данного понятия применительно к поговоркам, поговоркам и практически нет исследований о внутренней форме примет и загадок. На наш взгляд, ключом к пониманию феномена внутренней формы паремий может стать концепция А.А. Потебни, сформулировавшего следующее определение: «Внутренняя форма... есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [11, с. 98]. Так и внутренняя форма паремий, при всем разнообразии мотивировок значения лексическим составом, наблюдающимся у различных видов народных афоризмов, является исходным образом для прочтения смысла и своеобразным алгоритмом, позволяющим раскрыть когнитивный механизм формирования их значения.

Н.Ф. Алефиренко, анализируя ряд теорий относительно внутренней формы языкового знака, предлагает свое когнитивно-синергетическое понимание данного феномена. Автор утверждает, что внутренняя форма фраземы не сводится ни к ее этимологии, ни к ее актуальному значению, а является «средством экспликации образа, служащего способом соотнесения предмета мысли и значения фраземы» [2, с. 62]. Подобное понимание чрезвычайно важно для определения внутренней формы паремий, поскольку некоторые из них (в первую очередь, поговорки) по своим семантическим свойствам достаточно близки к фраземам. Вместе с тем другие виды паремий, в частности рассматриваемые нами поговорки, загадки и приметы, существенно отличаются от фразем именно по тем призна-

кам, которые особенно важны для характеристики их внутренней формы [13, с. 149 – 150]. В частности, внутренняя форма большинства пословиц может быть охарактеризована как «прозрачная» [9, с. 89], ситуативная, сюжетная. Действительно, многие пословицы характеризуются «свернутым» сюжетным планом, который в достаточной мере сохраняет ту их часть, «которая в силу уникальности обозначаемой ею ситуации... или ее языковой формы... детерминирует закрепившийся за ней смысл» (Там же, с. 91). Но, вместе с тем, эта яркая детерминированность смысла сочетается с высокой степенью десемантизации отдельных семем, связанных как раз с «сюжетно значимыми» денотатами.

Перечисленные семантические особенности наиболее четко видны в контексте вариативной группы пословиц. Например, лексико-структурные варианты *Не тужи – наживешь и ремень, и гужи; Не тужи – наживем ременистые гужи* и их семантические варианты *Перемелется – мука будет; Будет и на нашей улице праздник* [14, с. 106 – 143]. В приведенных пословицах выражено суждение «Не стоит опускать руки в тяжелой ситуации, т.к. за ней обязательно последует более благоприятная». Данное суждение выражается в пословицах как следствие реализации четкой внутренней формы, образующей сюжетную основу пословицы, и в то же время в результате снижения денотативной референции лексических компонентов пословицы, что влияет также на формирование концептуального фона паремий (репрезентация концептов «материальное добро», «надежда», «вера/оптимизм» и «справедливость»).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что внутренняя форма пословиц является не просто образом, основанным на представлении о ряде типовых денотатов в их связях и взаимовлиянии, а отражением прототипической ситуации, которая обычно представляется с помощью произвольно выбранных прагматически значимых реалий, получивших в языке прямое или метафорическое выражение. Соответственно прецедентный потенциал пословиц обуславливается, в ряду других факторов, и типичностью ситуации, образ которой «задается» внутренней формой паремии. Внутренняя форма поговорки, на наш взгляд, полностью соответствует внутренней форме фразеологизмов в понимании Н.Ф. Алефиренко, который определяет последнюю как «преломленное в когнитивной метафоре отношение смыслового содержа-

ния фразеологического концепта к сознанию» [3, с. 50]. Поговорки, выполняя функцию образной номинации, вне сомнения, вербализуют фразеологический концепт, «в многослойной структуре которого доминируют образная и модально-оценочная составляющие» (Там же, с. 35). При этом внутренняя форма остается единственным ключом к пониманию значения поговорки: *Хоть волком вой* (тоскливо); *Хоть в петлю лезь* (отчаяние); *Здоровьем отоцал* (заболел); *Отошла коту масленица* (везенье кончилось) и т.п. Таким образом, прецедентность поговорок находится в сложной взаимообусловленной связи с образным выражением денотата в высказывании, а вторичность паремий данного вида базируется на устойчивом метафорическом переносе, актуальном для народного разговорного дискурса.

Внутренняя форма загадки близка к внутренней форме пословицы по когнитивно-метафорической функции (создание образа исходной ситуации), но имеет ряд особенностей, связанных, прежде всего, с основной коммуникативной функцией загадки – демонстрацией ассоциативных связей первичных и вторичных предметов мысли. Кроме того, для загадки в реализации ее когнитивно-прагматической функции важен не столько выбор денотата, сколько способ взаимопредставления денотатов посредством когнитивной метафоры, например:

*Полно корыто голубок нарыто;
Голубки клевали, носки замарали,
Людей напители (чашка и ложки).*

Когнитивная метафора, на наш взгляд, играет ведущую роль как в создании, так и в языковой актуализации внутренней формы паремий, поскольку является процессом в равной степени языковым и когнитивным. Когнитивная или лингвокогнитивная метафора выступает в роли «средства языкового сознания, средства создания нового смыслового содержания языкового знака» [3, с. 16], и зачастую это новое содержание представляет собой обобщающее отвлечение от конкретной когнитивно-денотативной ситуации, как в случае с пословицами и загадками. При этом пословицы реализуют свой глубинный смысл умозаключения, а загадки – номинативный потенциал. Таким образом, для пословицы метафора играет роль средства, формирующего, с одной стороны, ее когнитивно-денотативный базис, а с другой стороны, отвлеченное от него обобщенное значение [14, с. 61]; для загадки же метафора – это связующее звено между внутренней формой и выражаемым смыслом.

Внутренняя форма приметы характеризуется, помимо указанных свойств, наблюдаемых у внутренней формы других видов паремий, определенной двучленностью: одна часть – явление/действие/состояние, номинируемое в примете и, соответственно, получающее «толкование» во второй части – рекомендации (как в примете *Солнышко закатилось – не выметай сор из избы*) или констатации следствия/результата, данного в первой части явления/действия/состояния (как в примете *Подметать пол вечером – не к добру*). Таким образом, вторичность текста паремии – это неотъемлемое свойство семантики народного афоризма, заключающееся в способности пословиц, поговорок, загадок и примет включаться в контекст, сохраняя при этом инвариантное (языковое) значение, обусловленное, с одной стороны, внутренней формой паремии, с другой стороны, ее фольклорной природой, поскольку в народных афоризмах отражен результат многократного осмысления исходной жизненной ситуации или денотативного признака, лежащих в основе их значения.

Еще одним важным замечанием, на наш взгляд, является то, что поговорка, в отличие от пословицы, должна рассматриваться не как прецедентный текст, а как прецедентное высказывание, поскольку она не содержит умозаключения – смысловой план поговорки иного свойства. «Незамкнутые» синтаксические структуры, на которых, по утверждению Г.Л. Пермякова, базируются поговорки [10, с. 10], не способствуют законченности заключенного в них высказывания. Поговорка как намек, замена «прямой речи окольной» [5, с. 14], высказывание, которое характеризуется одновременно смысловой насыщенностью и смысловой неопределенностью, обычно требует контекста, в котором могло бы полностью реализоваться ее значение. При условии контекстуального воплощения поговорка весьма информативна, хотя эта информативность другой природы, нежели у пословицы. Например, характеризуя пьяного человека, поговорки не просто создают номинации, эквивалентные слову в смысловом плане (подобно фразеологизмам), а очерчивают круг культурно значимых ассоциаций, создавая своеобразный социально-этнический портрет явления: *У него в глазах двоится; Язык лыка не вяжет; Он закатил за ворот; Он по одной половице не пройдет.*

В современной речевой культуре достаточно четко прослеживается тенденция к образованию специфических единиц, совмеща-

ющих в себе свойства прецедентного текста-источника и прецедентной ссылки как определенной трансформации исходного текста, характеризующейся наличием образной основы и смешением денотативного плана. При этом экспрессивно-художественные способности паремий служат основанием для различного рода трансформаций, появление которых – результат авторской реконструкции текста пословицы с юмористической целью («фоменки») и иные трансформации аналогичного типа). Юмористический эффект, достигаемый с помощью подобных новообразований, есть не что иное, как эффект несовпадения ожидаемого смысла, выражаемого производящей базой, с тем или иным смыслом, который возникает при ее реконструкции. Эта «производная» парадоксальность способствует значительным изменениям не только на денотативном, но и на концептуальном и прагматическом уровнях семантической структуры подобных новообразований.

Так, в «Приколах “Русского радио”» мы обнаруживаем множество реконструированных пословиц с самыми различными изменениями значения на уровне отдельных частей высказываний. Например, в перифразе *А шило в мешке ногам покоя не дает* часть, взятая от пословицы *Шила в мешке не утаишь*, обозначающая в контексте «неудобный, неприятный факт», при трансформации приобретает значение, близкое к прямому, – происходит его своеобразная дефразеологизация. Вторая часть, взятая от пословицы *Дурная голова ногам покоя не дает*, также дефразеологизируется, в результате чего высказывание теряет метафоричность, а вместе с ней – и прагматическую значимость. Аналогичный процесс наблюдается и в высказываниях, в которых сохраняется лишь часть исходного «материала», функционирующая как фразеологизм, конденсирующий в себе весь смысловой план пословицы. Например: *Не рой яму другому, пусть роет ее сам; Без рубашки ближе к телу; В тихом омуте черви водятся; Под лежащий камень мы всегда успеем.*

Изменение структуры пословицы может производиться почти в русле парадигмы вариантов, без существенных изменений в семантике, но с дополнительной коннотацией: *Большому кораблю – большая торпеда; Кто раньше встал, того и тапки; Лучшие синица в руке, чем утка под кроватью.* Иногда возможно и образование «самостоятельных» вариантных парадигм: *Тише едешь – дальше кукиш; Тише едешь – дешевле обойдется; Тише едешь –*

шире морда. Интересно, что такой тип трансформации практически не сказывается на референтных свойствах исходных текстов, и полученные единицы характеризуются тем же феноменом обобщенного значения, что и классические паремии. Трансформированные прецедентные единицы, созданные из частей разных пословиц или пословицы и фразеологизма, как правило, характеризуются заметными сдвигами на прагматическом уровне значения, но иногда при этом сохраняют метафорические свойства. Например: *На чужой караван семеро одного не ждут; Не все то золото, что плохо лежит; Чем дальше в лес, тем третий лишней; Голод не тетка – в лес не убежит.* Трансформация пословицы может сопровождаться заменой метафорического образа на «синонимичный»: *Сытый конному не шиш (Пеший конному не товарищ).*

Менее активно, но по-своему продуктивно участвуют в различного рода языковых трансформациях и загадки, и приметы. Сопоставление трансформационного потенциала паремий – отдельная и, вне сомнения, актуальная тема исследования. Таким образом, прецедентность трансформированной языковой единицы характеризуется не только известностью источника, ее породившего, но и степенью культурной значимости, появившейся или сохранившейся (в зависимости от конкретной специфики процесса трансформации) у нее. Именно эта культурная значимость позволяет говорить о прецедентном потенциале текстов-источников не только потому, что они способствуют прямой или трансформированной вторичной номинации, но и потому, что эти тексты способны придать глубинную прагматическую обусловленность значения даже тем единицам, которые появились в результате банальной, на первый взгляд, игры слов.

Прецедентные свойства паремий, понимаемые нами как 1) вторичность текста или фразеологического образа самих народных афоризмов и 2) потенциальная «готовность» пословиц, поговорок, загадок и примет участвовать в различного рода трансформациях и аллюзиях, – своеобразный «залог успеха» этих изящных в языковом воплощении и бесконечно глубоких в смысловом плане фольклорных жанров, не теряющих актуальности для разговорного, публицистического и художественного дискурсов по сей день.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М. : Academia, 2002.

2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография. М. : ЭКСМО, 2008.

3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика: в аспекте лингвистического постмодернизма : монография. Белгород : Изд-во Белгород. ун-та, 2008.

4. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Научные докл. высш. шк. Филологические науки. 2001. №4. С. 79 – 86.

5. Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 1.

6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987.

7. Кудрина Н.А. Прецедентные высказывания как предмет культурологического исследования // Филология и культура : тез. II Междунар. конф. : в 3 ч. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. Ч. 1. С. 7 – 8.

8. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991. С. 179 – 205.

9. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома : Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2008.

10. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. М. : Наука, 1970.

11. Потенция А.А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976.

12. Русские пословицы: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: кол. монография / под ред. проф. Т.Г. Никитина. Псков : ПГПУ, 2008.

13. Семенов Н.Н. Проблема фразеологического статуса пословиц в свете когнитивно-дискурсивного подхода // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистические и лингвометодические аспекты). Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. С. 148 – 152.

14. Семенов Н.Н., Шипицына Г.М. Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород : Изд-во БелГУ, 2005.

Precedent potential of proverbs as the object of semantic research

There is researched the issue of proverb status that combines the properties of language and speech units. Discourse aspect of research of proverb semantics touches upon the issues of describing the inner form of folk aphorisms and the aspect of contextual meaning.

Key words: *proverb, text, discourse, inner form, cognitive structure of a proverb.*

С.И. МАДЖАЕВА
(Астрахань)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИЦИНСКОГО ДОКУМЕНТА «ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ»

Представлен анализ медицинского документа «История болезни». Автор исследует состав языковых средств, входящих в него, определяет основные лингвистические признаки документа как формы письменного медицинского дискурса. Дискурс, использование и понимание терминологии ИБ зависят от профессионально-коммуникативной компетенции врача.

Ключевые слова: *история болезни, медицинский документ, термин, медицинский дискурс.*

Развитие науки повлекло за собой не только появление новых областей (и терминов) медицины, но и увеличение числа медицинских документов, изменение их структуры. Медицинская документация – одно из важнейших направлений в письменном медицинском дискурсе, т.к. документы «создают новую коммуникативную среду» [6, с. 7], следовательно, привлекают внимание лингвистов [4; 5; 6; 7; 9]. Обращение лингвистов к сфере документации, по мнению М.В. Косовой, расширяет существующие представления о свойствах терминосистем, закономерностях их организации и функционирования [4, с. 216].

Важным медицинским документом остается история болезни пациента, которая заводится по факту нахождения пациента на стационарном лечении. С 1968 г. история болезни официально называется *медицинской картой стационарного больного*. Однако привычный термин *история болезни* (ИБ) применяется повсеместно, поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться им. Актуальность исследования документа ИБ обусловлена экстра- и интралингвистическими факторами. Развитие медицины, появление новых методов лечения и инструментария не могли не сказаться на лексике ИБ.